

© 2019 г.

КАК ЖИВЕШЬ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ? СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ: коллективная монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПИМ, 2018. 360 с.

Рецензируемая монография – коллективный труд по проблеме жизненного мира современной российской гуманитарной интеллигенции. Исследование базируется на концепции социологии жизни (Ж.Т. Тощенко), ключевым понятием которой является жизненный мир человека во всем многообразии его проявлений. Коллективный труд подготовлен на богатом социологическом материале, включая массив материалов 12 международных научных конференций, посвященных интеллигенции (рук. Ж.Т. Тощенко, РГГУ).

Добротная, интересная книга предлагает читателю скрупулезный анализ основных смыслов деятельности российской гуманитарной интеллигенции, ее сознания, поведения и условий их реализации, а также качества жизни, трудовой занятости, социального благополучия. Авторы смогли предложить свои ответы на ряд спорных вопросов, в том числе: можно ли говорить о современной российской интеллигенции как о реальном феномене? Или она становится достоянием истории?

С этого и начнем. В последние десятилетия некоторые философы, социологи, историки, политологи выступили с публикациями об исчезновении в России интеллигенции, о том, что данной социальной группы в российском обществе не существует. Например, В.С. Орлов утверждал, что в сегодняшней России вообще не осталось интеллигенции, что она продолжает существовать лишь как некий далекий от реальности мифологический феномен¹. Авторы рецензируемой книги пришли к другому выводу: интеллигенция в России существовала в советское время, существует сегодня, будет существовать и в будущем. Эта точка зрения неоднократно высказывалась ими.

Признавая существование интеллигенции в современной России, авторы не отрицают наличия нового социального образования, возникшего относительно недавно – интеллектуалов, интересы которого сосредоточены на профессиональной деятельности, заботе о качестве выполняемой работы, старании быть креативными работниками (с. 22). Интеллигенция в традиционном толковании слова и интеллектуалы – это, по мнению Ж.Т. Тощенко, разные социальные общности, хотя это деление во многом является условным и в значительной мере логическим конструктом.

В книге затрагивается важная проблема – «интеллигенция и народ», точнее «интеллигенция и население», их ценности. Главным объединяющим их фактором является труд. Преобладающая часть населения и интеллигенции России – трудящиеся. Интеллигенция – это люди, занятые сложным умственным трудом, не некий обособленный элемент социума: учителя, врачи, инженерно-технические работники, ученые, деятели искусства и культуры, журналисты, управленцы и служащие, работники издательств и печати и др. Как установили участники коллективного исследования, российская гуманитарная интеллигенция разделяет те же основные ценности, что и население в целом. Но были выявлены различия, касающиеся ценности труда, культуры, общения в жизненной практике, которые, как и следовало ожидать, у интеллигенции несколько выше, чем у населения в целом.

Авторы монографии попытались ответить на очень непростой вопрос: сохранила ли современная российская интеллигенция черты, присущие ее предшественнице – высокая нравственность, ответственность, ориентация на интересы народа, стремление олицетворять

¹ Орлов В.С. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 37.

образцы профессиональной культуры, быть примером в общественной (публичной) и в личной (приватной) жизни? Если ответить кратко, то в основном да, хотя часть из этих черт оказалась деформированной, некоторые утрачены. Для 85,3% интеллигентов наиболее значимым труд (для населения – 69,4%). В числе других позитивных черт – любовь и преданность профессии, выбранной в вузе, патриотизм, стабильность в обществе без войн и революций и др. Утраченными и существенно деформированными, по мнению исследователей, являются отсутствие гомогенности этой социальной группы, снижение по ряду позиций гражданской и культурно-нравственной роли, которые были ведущими с момента ее возникновения, потеря устойчивых мировоззренческих ориентиров, прекаризация трудовой деятельности, наличие аномии высокого уровня – пассивности, безразличия, инертности и др.

Для получения более широкого представления о жизненном мире интеллигенции было введено понятие «смысл жизни» (Ж.Т. Тощенко). Жизненные смыслы неразрывно связаны с ценностными установками и являются основным мерилем удовлетворенности жизнью в целом. В иерархии ценностных установок интеллигенции первое место занимает семья, второе – работа, третье – здоровье, четвертое – друзья, пятое – культурный досуг и т.д. На первый план выходят не столько уровень доходов, качество питания и медицинского обслуживания, как это имеет место у других групп населения, сколько удовлетворенность работой, степень ее востребованности, возможность самореализоваться, удовлетворить свои потребности в общении, в культурном досуге. Причастность к проблемам своей страны, общества и окружающих также сказывается на удовлетворенности жизнью интеллигенции.

Исследователи выявили зависимости между местом в иерархии ценностей и уровнем удовлетворенности своей работой. Обращает на себя внимание разрыв между уровнем удовлетворенности работой и уровнем удовлетворенности оплатой труда. Наиболее значим этот разрыв у работников сферы образования, среди которых лишь 17% считают свой труд справедливо оплачиваемым. У врачей этот показатель составляет 28%, у работников культуры – 24%. Как отмечается в книге, 68% педагогам семейного бюджета хватает лишь на еду и одежду, они «живут от зарплаты до зарплаты». У медицинских работников этот показатель равняется 60%, у работников культуры – 61% (с. 90). Приведенные данные – убедительное свидетельство ущемленности образования, здравоохранения, культуры и неадекватности оплаты труда за высококвалифицированный труд в данных сферах. Основная масса интеллигенции России бедна. Как справедливо отмечается в книге, это вызывает тревогу, ибо «в совокупности половина интеллигенции имеет заработную плату, не позволяющую вести достойную жизнь» (с. 38). Вполне резонно ставится вопрос: «Могут ли люди с такой заработной платой претендовать на высокий социальный статус?»

Важное место в книге занимает анализ доверия гуманитарной интеллигенции к социальным институтам, ее места в политической жизни страны, неполитической активности. Значения индекса доверия к политическим, правоохранительным и силовым институтам, СМИ, общественным органам и организациям в подавляющем большинстве случаев отрицательны: недоверяющих больше, чем доверяющих. По отношению практически ко всем институтам уровень доверия интеллигенции намного ниже, чем у населения. Наиболее высоки оценки к институтам защиты государственных интересов (президент, армия), низки – по отношению к институтам, призванным отстаивать скорее личные (приватные) интересы граждан (суд, полиция, профсоюзы и др.). Подобная комбинация установок, по мнению исследователей, свидетельствует – парадоксальным образом – о превалировании в политическом и идеологическом пространстве общественных интересов над частными и групповыми.

Естественно возникает вопрос: почему интеллигенция не доверяет власти, другим институтам? Исследователи попытались выяснить эти причины. А.В. Кученкова считает, что это свидетельствует о неэффективном выполнении институтами функций по регулированию актуальных и значимых для людей социальных отношений и сфер деятельности по удовлетворению общественных потребностей (с. 138), с чем трудно не согласиться. Но этого недостаточно для полного раскрытия причин недоверия, и А.В. Кученкова вполне резонно отмечает, что недоверие со стороны интеллигенции обусловлено не только особенностями имиджа и реальной деятельностью самих институтов, но и субъективным восприятием качества жизни. Неудовлетворительные оценки собственного положения, низкий социальный оптимизм снижают уровень доверия. Подобные установки связаны с изменениями в социально-экономической сфере общества, в частности, с процессами прекаризации жизненного мира интеллигенции, нестабильности, негарантированности их доходов и занятости (с. 138). Это приводит к распространению

социально-политической пассивности, разочарованию, недоверию по отношению ко всем социальным институтам.

У авторов, естественно, не мог не возникнуть вопрос: не перестала ли интеллигенция интересоваться политикой, компетентна ли она в данной сфере, каковы ее политические взгляды? Исследователи выяснили, что уровень интереса гуманитарной интеллигенции к политике не отличается от показателей других групп. У нее, как и у населения в целом, высока степень неприятия политической информации: треть заявляет о полном отсутствии интереса к ней, чуть более половины интересуются отдельными событиями. В качестве источника информации отдается предпочтение Интернету. Телевидение пользуется меньшим доверием, что объясняется, по мнению исследователей, тем, что интеллигенция обладает определенным уровнем критического мышления и отбора источников (с. 144). Среди интеллигенции выше процент тех, кто обменивается мнениями и общается на политические темы на работе и среди близких.

Что касается политических взглядов интеллигенции, то представления о том, что интеллигенция обладает большей политической компетентностью в сравнении с другими социальными общностями и группами, не нашли подтверждения, как и представления об особой ее приверженности «левым» настроениям. Но авторы книги не без основания обратили внимание на значительную часть интеллигенции (38,1%), занявшую индифферентную позицию: затруднившуюся с оценкой собственных политических взглядов. Итоговый вывод – эта группа не отличается от остального населения и не может считаться политическим авангардом (с. 148).

Исследователи не обошли и вопрос о том, какой общественно-политический строй, с точки зрения интеллигенции, является наиболее подходящим для России. Сторонников капиталистического строя и рыночной конкуренции оказалось немного. Большая часть склоняется к смешанной форме (46,2% – «экономика преимущественно с государственной собственностью, при сохранении частного малого и среднего бизнеса»; 28,3% – «Рыночная экономика с элементами государственного регулирования») (с. 151). Исследователи это объясняют тем, что обследуемые группы в основном относятся к государственному сектору экономики, полностью зависят от его шагов по оплате труда и социальному обеспечению. Основная часть интеллигенции, занимаясь умственным трудом, оказалась не способной участвовать в рыночной конкуренции, ей трудно найти свое место в существующей экономике.

Политические взгляды и позиции интеллигенции характеризуются невысоким уровнем компетентности, анемичностью и отстраненностью. Значительная ее часть не разбирается в политике и не интересуется ею; продвинутая – в значительной мере абстрагировалась от реальной политической активности и сосредоточилась на личных и повседневных проблемах, делах «ближайшего окружения». Реальная активность группы практически упала до нуля и в значительной мере перетекла в Интернет и межличностное общение.

В монографии подчеркивается, что роль интеллигенции в социально-политической сфере страны не соответствует претензиям, амбициям ее отдельных групп, а также ожиданиям и требованиям, предъявляемым обществом. В этой связи резонно возникает вопрос: а кто выполняет или может выполнять эту роль? В качестве одного из субъектов, выполняющего функции интеллигенции, исследователями называются: «Политическая власть и экономические властители на разных уровнях (как государственная, так и менеджмент конкретных организаций и учреждений)», «они по всем формальным признакам», по мнению исследователей, «могут быть отнесены к группе интеллигенции. Иными словами, нынешняя власть и нынешний менеджмент и являются одной из “ветвей” социальной общности (группы) интеллигенции, что можно принять как условное утверждение» (с. 163).

Многу разделяется точка зрения: государственные и муниципальные служащие относятся к специфической категории интеллигенции – управленческой интеллигенции. Что касается владельцев средств производства, то они относятся к другой социальной группе. Скорее всего, все это и имели ввиду авторы рецензируемой монографии, обосновывая свое видение интеллигенции, сопроводив его оговоркой принять как «условное утверждение».

Рассматривая проблемы жизни интеллигенции, исследователи не могли не затронуть ее досуг, культурное потребление, моральные позиции. Существует в обществе мнение, что в России экономические трудности приводят к некоей редукции культуры, «урезанию» культурных потребностей населения. Это мнение подтверждают и некоторые данные рассматриваемой книги: больше трети россиян за год не прочли ни одной книги, библиотеки продолжают терять аудиторию. Но в то же время, наблюдается своего рода музейный «бум», очереди в картинные галереи, полные залы в театрах, концертных залах. Происходят существенные изменения в

потреблении культуры: с одной стороны, снижается интерес к чтению, с другой – растет участие в практиках активного культурного потребления. «В своих досуговых практиках, – пишет Е.А. Гришина, – интеллигенция сохраняет приверженность традициям культурного потребления и саморазвития и при этом осваивает новые досуговые тренды. Характерно, что в структуре свободного времени интеллигенции доминирующими являются активные и развивающие досуговые практики, а развлекательные занимают достаточно скромное место» (с. 201).

Не обошли вниманием авторы книги и анализ моральных установок интеллигенции: для нее характерны высокие нравственные качества, но не активная гражданская позиция. Исследователи отмечают, что интеллигенция воспринимает современное общество как весьма агрессивную социальную среду. Сильное беспокойство вызывает коррупция, наркомания, отсутствие личной безопасности, грубость и хамство, этническая нетерпимость, пьянство, распад семей. Из оценок респондентов складывается картина нравственной деградации общества.

Вполне логично книга завершается рассмотрением семейных отношений. Чем отличается семья интеллигентов от семей населения в целом? Как показало исследование, в семьях интеллигенции достаточно высок уровень удовлетворенности браком, что связывают с хорошей семейной атмосферой. Но в семьях с высоким уровнем образования число разводов выше, что вероятнее всего связано с уровнем притязаний и требовательностью к партнеру. В семьях с высшим образованием наибольшее расхождение наблюдается между желаемым и имеющимся числом детей. И.О. Шевченко объясняет это, во-первых, распространением ценностей самореализации в противовес семейным ориентациям, во-вторых, повышенной ответственностью («мой ребенок должен иметь всё»), в-третьих, неустойчивым социальным положением семей интеллигенции (с. 215).

Исследователи стремились выяснить, какие «семейно-ориентированные» проблемы в наибольшей мере тревожат интеллигенцию. Одна из наиболее острых – плохое воспитание детей (70,5% интеллигенции в сравнении с 64,4% населения в целом); падение морали, нравственности – (68,7 и 62,4% соответственно), распад семей (49,7 и 51,9% соответственно) (с. 215). Авторы констатируют падение социального престижа семьи для интеллигенции. В эпоху непрерывных перемен семья является прибежищем, уголком спокойствия каждого человека, местом, где люди черпают силы. На уровне общества и государства мало сознания того, что именно в семьях закладывается основа человеческого и социального капитала, формируются ценностные ориентации и установки. В этом плане, считают исследователи, семьи интеллигенции являются основой сохранения духовно-нравственных ценностей и культурных традиций общества.

В заключение хотелось бы отметить, что основной ракурс книги – взгляд на современную интеллигенцию глазами самой интеллигенции. Через все ее главы проходит идея уверенности в созидательных возможностях российской интеллигенции и надежды на их реализацию. Коллективная монография «Как живет интеллигенция? Социологические очерки» – пример всестороннего теоретического и эмпирического исследования места, роли и перспектив современной российской гуманитарной интеллигенции.

И.И. ОСИНСКИЙ

ОСИНСКИЙ Иван Иосифович, д. филос. наук, проф., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Улан-Удэ, Россия (intellige2007@rambler.ru).

DOI: 10.31857/S013216250007455-3

HOW ARE THE INTELLIGENTSIA? SOCIOLOGICAL ESSAYS: collective monograph.
Ed. by Zh.T. Toshchenko. Moscow: TsSPiM, 2018. 360 p. Reviewed by I.I. Osinsky.

Ivan I. OSINSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Dorji Banzarov Buryat state University, Ulan-Ude, Russia (intellige2007@rambler.ru).
